

Роберт Норматов

Terra Conspira

Роберт Норматов

Terra Conspira

«Автор»

2026

Норматов Р. А.

Terra Conspira / Р. А. Норматов — «Автор», 2026

Конспирология — это не болезнь маргиналов. Это симптом. Симптом мира, в котором официальные версии событий слишком часто расходятся с реальностью. "Terra Conspira" — масштабное расследование, охватывающее пять тысяч лет человеческой истории. Кто построил Баальбек, если вес его блоков достигает тысячи тонн? Что искали тамплиеры под Храмовой горой девять лет? Кем был Моисей на самом деле? Почему программа ЦРУ по контролю над сознанием была "конспирологией" ровно до того момента, когда её существование подтвердил Конгресс? Журналист с историческим образованием исследует механики тайного управления, мегалитические загадки древности и систему замалчивания неудобных фактов. Без снисхождения к конспирологии. Но и без снисхождения к официальным версиям. Мир устроен сложнее, чем нам говорят. Это не паранойя. Это наблюдение.

© Норматов Р. А., 2026

© Автор, 2026

Роберт Норматов

Terra Conspira

Terra Conspira _2026-05-07

от автора.

Роберт Алексеевич

НОРМАТОВ

TERRA CONSPIRA

ОТАВТОРА.

Эта книга появилась не из желания разоблачить или напугать. Она появилась из вопроса, который не давал покоя на протяжении многих лет: почему одни и те же механизмы власти, одни и те же методы сокрытия информации и одни и те же паттерны управления через тайные структуры воспроизводятся снова и снова на протяжении всей известной нам истории? Почему они работают в Шумере и в Вашингтоне, в средневековом Риме и в современном Давосе, в египетских жреческих школах и в закрытых заседаниях Бильдербергского клуба?

Я не конспиролог в том смысле, в каком это слово обычно употребляется: человек, видящий тайный умысел за каждым событием и готовый принять любую альтернативную версию только потому что она альтернативная. Я исследователь-энтузиаст, и моё кредо исследователя состоит в том, что я не могу принять объяснение только потому что оно официальное. Я задаю вопросы. Иногда ответы совпадают с официальной версией. Иногда нет.

"Terra Conspira" это результат многолетнего накопления именно таких вопросов и попыток найти на них честные ответы. Честные в обе стороны: не принимая конспирологические версии только потому что они противоречат официальным, но и не отвергая их только потому что они неудобны для тех, кто обладает властью называть одни версии разумными, а другие параноидальными.

Должен сказать честно: в процессе работы над этой книгой мои собственные взгляды изменились. Некоторые вещи, казавшиеся мне до начала работы очевидными, перестали казаться таковыми. Некоторые вопросы, которые я считал риторическими, оказались вполне реальными. Если книга произведёт на читателя схожий эффект, я буду считать свою задачу выполненной.

Эта книга не предлагает окончательных ответов. Она предлагает честный разговор о вопросах, которые наша культура приучила нас либо высмеивать, либо бояться. Между этими двумя реакциями существует огромное интеллектуальное пространство. Именно там и живёт "Terra Conspira".

1/ 186

предисловие

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Слово "конспирология" убивает разговор. Стоит его произнести, и собеседник уже знает всё, что ему нужно знать: перед ним либо городской сумасшедший, либо человек с очень специфическим чувством юмора. Дальше можно не слушать. Дальше можно не думать. Ярлык приклеен, тема закрыта.

Именно это меня и беспокоит.

Не то, что конспирологические теории бывают абсурдными: они бывают. Не то, что среди их носителей встречаются люди, утратившие контакт с реальностью: встречаются. Меня беспокоит то, что слово "конспирология" давно перестало быть аналитическим термином и превратилось в инструмент. Инструмент закрытия неудобных разговоров. Инструмент дискредитации неудобных вопросов. Инструмент, которым пользуются не только параноики, видящие

заговор везде, но и те, кто заинтересован в том, чтобы определённые вопросы вообще не задавались.

Эта книга начинается с простого наблюдения: некоторые вещи, которые называли конспирологией, оказались правдой. Программа МК-Ультра, в рамках которой ЦРУ проводило эксперименты по контролю над сознанием на людях без их ведома, была конспирологией до тех пор, пока не стала задокументированным историческим фактом. Табачные компании, знавшие о канцерогенности своей продукции и намеренно скрывавшие эту информацию десятилетиями, были конспирологией до тех пор, пока внутренние документы не попали в суды. Существование засекреченных американских военных программ по изучению неопознанных воздушных явлений было конспирологией до тех пор, пока само Министерство обороны США не подтвердило их существование.

Это не означает, что любая конспирологическая теория верна. Это означает нечто другое: граница между "конспирологией" и "задокументированной реальностью" является значительно более подвижной, чем принято думать. И люди, которых называли параноиками за определённые вопросы, нередко оказывались правы в своих подозрениях, даже если ошибались в деталях. "Terra Conspira" это попытка пройти по этой подвижной границе честно. Без снисхождения к конспирологическому мышлению как таковому: оно бывает ошибочным, иррациональным и опасным. Но и без снисхождения к официальным версиям: они бывают неполными, искажёнными и намеренно сконструированными в интересах тех, кто их производит.

Книга разделена на три части. Первая исследует само явление конспирологии: его природу, его психологию, его историю от Шумера

2/ 186

до наших дней и его отношение к реальным механизмам тайного управления, которые существовали во все эпохи. Вторая обращается к физическим свидетельствам, к камню, который не лжёт: к мегалитическим памятникам планеты, чья точность, масштаб и глобальный параллелизм не вписываются в стандартную картину человеческой истории. Третья возвращается к нашему времени и к вопросу о том, кто, как и в чьих интересах управляет нарративами, определяющими то, что большинство людей считает реальностью. Должен предупредить читателя о нескольких вещах.

Эта книга не является руководством для начинающего конспиролога. Если выщете подтверждения тому, что уже знаете, вы, вероятно, будете разочарованы: книга задаёт вопросы значительно чаще, чем предлагает ответы. Некоторые теории, популярные в конспирологических кругах, рассматриваются здесь критически. Некоторые официальные версии, напротив, признаются достаточно убедительными.

Эта книга не является академическим исследованием в строгом смысле. Она написана исследователем-энтузиастом, а не учёным, и её метод, строго говоря, журналистский: собрать максимально широкий массив данных, задать правильные вопросы, проверить версии на внутреннюю логику и фактическую базу и честно рассказать о том, что получилось. Академические читатели найдут здесь места, где они не согласятся с интерпретациями. Это нормально и даже желательно. Наконец, эта книга не является призывом к отчаянию или к действию какого-то конкретного рода. Понимание того, что мир устроен сложнее и непрозрачнее, чем нам говорят, не является поводом для паники, а отправной точкой для более трезвого взгляда на реальность. Трезвый взгляд это уже немало.

Одно обещание я готов дать: эта книга написана честно. Я не знаю всех ответов. Я не уверен во всех своих выводах. Но я уверен в своих вопросах. И я убеждён, что вопросы, которые задаёт эта книга, заслуживают того, чтобы их задавать.

Добро пожаловать в Terra Conspira.

часть 1. глава 1.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КОНСПИРОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ И АНАТОМИЯ ЯВЛЕНИЯ.

Глава 1.

Конспирология: что это такое?

Слово, которое стало ярлыком.

3/ 186

Есть слова, которые убивают разговор. "Конспирология" - одно из таких слов в современном мире, стоит произнести это слово и серьёзный настрой беседы в миг улечивается. Слово работает как выключатель: щёлк, и тема закрыта, не успев открыться. Именно это делает его таким удобным инструментом для тех, кто не хочет, чтобы какие-то темы вообще обсуждались.

Но давайте для начала разберёмся, что это слово означает в буквальном смысле, без эмоций и без заранее заготовленных выводов.

"Конспирология" происходит от латинского *conspiratio*, что означает буквально "дыхание вместе", то есть сговор, тайное соглашение. *Logos* по-гречески, как известно, слово, учение, наука. Получается, конспирология в дословном переводе это учение о тайных сговорах, или, если угодно, наука о заговорах. Звучит не так уж безумно, правда? История человечества буквально набита тайными сговорами, которые впоследствии становились достоянием общественности. Заговор против Юлия Цезаря. Заговор пороха в Англии. Операция "Гладио" в послевоенной Европе. Проект МК-Ультра в США. Всё это не выдумки параноиков, всё это задокументированная история. Так когда же слово "конспирология" превратилось из нейтрального термина в диагноз?

Здесь начинается интересное. Исследователи, в частности американский историк Катрин Олмстед, прослеживают активное внедрение термина "теория заговора" в пренебрежительном смысле примерно к 1960-м годам. После убийства Джона Кеннеди в 1963 году официальная версия событий вызвала такую волну сомнений, что властям потребовался инструмент для дискредитации несогласных. Удобнее всего оказалось навесить на скептиков ярлык "конспирологов", то есть людей, оторванных от реальности и склонных видеть заговор там, где его нет.

Работает этот приём до сих пор, причём работает блестяще. Достаточно назвать человека конспирологом, и необходимость отвечать на его вопросы по существу автоматически отпадает. Не нужно разбирать аргументы, не нужно предъявлять

контрдоказательства. Ярлык сделал своё дело.

Но вот парадокс: чем активнее этот приём используется, тем меньше ему доверяют. Люди замечают закономерность. Когда любое сомнение в официальной версии событий, будь то пандемия, война, экономический кризис или политическое убийство, немедленно объявляется конспирологией, у думающего человека возникает закономерный вопрос: а не слишком ли широко трактуется этот термин? И не слишком ли выгодна эта широкая трактовка определённым людям и структурам?

Именно с этого вопроса и начинается настоящий разговор о конспирологии. Не с осмеяния и не с безоговорочного принятия, а с попытки разобраться: где заканчивается обоснованный скептицизм

4/ 186

и начинается патологическая подозрительность? И есть ли вообще эта граница, или её тоже кто-то придумал?

Эта книга не ставит целью убедить читателя в том, что миром правит тайный орден рептилоидов. Но она также не собирается убеждать его в том, что власти всегда говорят правду, корпорации действуют исключительно в интересах общества, а все совпадения в политической истории действительно случайны. Цель скромнее и честнее: посмотреть на явление конспирологии без снисхождения и без истерики, попытаться понять его природу, его историю, его внутреннюю логику. И в конце концов ответить на вопрос, который мало кто решается задать вслух: а вдруг они правы? Хотя бы отчасти?

Анатомия заговора: как устроена конспирологическая теория?

Прежде чем двигаться дальше, стоит разобраться, из чего вообще соткана типичная конспирологическая теория. Что у неё внутри, как она работает, почему она убеждает одних и вызывает смех у других. Это важно, потому что без понимания механики невозможно отделить теории обоснованные от теорий фантастических. А такое разделение, как выяснится позже, далеко не всегда очевидно. Любая конспирологическая теория строится на нескольких базовых элементах. Первый из них это тайный агент. Кто-то, кто действует скрытно, преследует собственные цели и не намерен раскрывать свои намерения публике. Это может быть конкретный человек, группа людей, организация, государство или некая надгосударственная структура. Без тайного агента теории нет, есть просто стечение обстоятельств.

Второй элемент это умысел. Тайный агент не просто существует, он действует целенаправленно. У него есть план, и этот план реализуется последовательно, шаг за шагом. Именно умысел отличает конспирологическую теорию от обычной версии событий: конспиролог никогда не верит в случайность, за каждым событием он ищет руку, которая это событие организовала.

Третий элемент это сокрытие. Тайный агент не только действует, но и замечает следы. Официальная версия событий существует именно для того, чтобы скрыть реальную картину. Средства массовой информации, государственные институты, научное сообщество, все они либо участники заговора, либо его невольные инструменты. Четвёртый элемент, и это, пожалуй, самый психологически важный, это масштаб. Конспирологические теории, как правило, объясняют события огромного исторического значения. Убийство президента, мировая война, пандемия, финансовый кризис. Чем значительнее событие, тем сильнее интуитивное ощущение, что за ним должна стоять столь же значительная причина. Психологи называют это "диспропорциональностью причины и следствия": человеческий мозг с трудом принимает тот факт, что великие события могут иметь ничтожные причины. Что одиночка с дешёвой винтовкой может убить

5/ 186

президента сверхдержавы. Что летучая мышь может запустить глобальную пандемию. Мозг ищет причину, соразмерную следствию, и если официальная версия её не даёт, он начинает искать в другом месте.

Вот здесь и кроется ключевое противоречие, с которым придётся иметь дело на протяжении всей этой книги. С одной стороны, описанный механизм действительно может порождать иллюзорные теории, основанные не на фактах, а на психологической потребности во вразумительном объяснении мира. С другой стороны, этот же механизм иногда приводит к совершенно верным выводам. Потому что великие события действительно иногда имеют великие, тщательно скрытые причины. И люди, которых называли конспирологами, иногда оказывались правы..

Один из самых показательных примеров здесь это история с табачными компаниями. Десятилетиями учёные и журналисты утверждали, что крупные производители сигарет знают о канцерогенности своей продукции, но намеренно скрывают эту информацию, финансируют лояльные исследования и подкупают политиков. Их называли конспирологами. Потом внутренние документы компаний попали в открытый доступ, и выяснилось: всё именно так и было. Заговор существовал, он был задокументирован, и он унёс миллионы жизней.

Или история с программой ЦРУ МК-Ультра, о которой уже упоминалось. Программа тайного контроля над сознанием с использованием психотропных веществ, гипноза и психологических пыток. Когда первые сведения о ней появились в прессе в 1970-х годах, реакция официальных структур была предсказуемой: конспирология, паранойя, домыслы. Пока в 1977 году в ходе слушаний в Конгрессе не выяснилось, что программа была абсолютно реальной и работала с начала 1950-х годов.

Таких примеров история знает немало, и к ним мы ещё вернёмся в отдельной главе. Пока важно зафиксировать одно:

конспирологическая теория это не обязательно ложь. Это версия событий, альтернативная официальной, построенная на предположении о тайном умысле. Иногда эта версия фантастична и не подкреплена ничем, кроме воображения автора. Иногда она попадает в точку. И задача думающего человека состоит не в том, чтобы гугльнуть отвергать или принимать подобные версии, а в том, чтобы уметь их анализировать.

Но для этого нужен инструментарий. Нужно понимать не только структуру конспирологической теории, но и её разновидности. Потому что конспирология, как выяснится, далеко не однородна. Под этим словом скрывается целый спектр явлений, от вполне рациональных до откровенно патологических. И между ними огромная дистанция.

Типология: какие бывают конспирологические теории? 6/ 186

Если попытаться систематизировать всё многообразие конспирологических теорий, которые существуют сегодня и существовали в прошлом, обнаружится интересная картина. Они не похожи друг на друга так же, как не похожи друг на друга, скажем, детективный роман и научная фантастика. Формально оба жанра, но внутри всё устроено по-разному. Конспирологией та же история. Исследователи предлагают разные классификации, но для наших целей удобнее всего разделить теории по нескольким параметрам: по масштабу, по характеру предполагаемого заговора и по степени верифицируемости, то есть по тому, насколько теорию в принципе возможно проверить.

По масштабу.

Первый и самый очевидный критерий это масштаб предполагаемого заговора. Здесь теории распадаются на три большие группы. Локальные теории касаются конкретного события или конкретной группы людей. Кто на самом деле убил Кеннеди. Что произошло в Розуэлле в 1947 году. Почему самолёт Malaysia Airlines рейса МН17 оказался над зоной боевых действий. Подобные теории, как правило, имеют чёткие границы: есть конкретное событие, есть конкретные подозреваемые, есть конкретные вопросы, на которые официальная версия не даёт удовлетворительных ответов. Именно этот тип теорий наиболее близок к обычному журналистскому расследованию. Разница часто лишь в том, кто проводит расследование и каков его институциональный статус.

Системные теории охватывают более широкое поле. Речь идёт уже не об одном событии, а о целой системе событий, объединённых общим умыслом. Фармацевтические компании намеренно блокируют разработку дешёвых лекарств. Нефтяные корпорации десятилетиями саботируют переход на возобновляемую энергетику. Мировые СМИ координируют подачу информации в интересах определённых финансовых групп. Подобные теории труднее опровергнуть и тяжело подтвердить, поскольку речь идёт о системных процессах, а не о единичных фактах.

Глобальные теории это уже совсем другой уровень. Здесь предполагается существование некоей силы или группы сил, управляющих историческими процессами в планетарном масштабе. Тайное мировое правительство. Финансовая элита, стремящаяся к установлению нового мирового порядка. Структуры,

контролирующие одновременно политику, экономику, культуру и науку большинства государств. Именно этот тип теорий чаще всего становится объектом насмешек, и именно он, как ни странно, имеет наибольшее количество косвенных подтверждений в виде задокументированных фактов о реально существующих надгосударственных структурах влияния. К этому парадоксу мы вернёмся позже.

7/ 186

По характеру предполагаемого заговора.

Второй критерий классификации это природа тех, кто стоит за заговором. И здесь диапазон оказывается неожиданно широким. Политические теории предполагают, что за событиями

ями стоят конкретные государственные или политические структуры. Спецслужбы, правительства, политические партии. Это наиболее "приземлённый" вариант конспирологии, поскольку существование подобных структур и их способность к тайным операциям давно и неопровержимо задокументированы. ЦРУ действительно организовывало государственные перевороты. МИ-6 действительно проводило операции под ложным флагом. КГБ действительно финансировал западные левые движения. Это не конспирология, это история.

Финансово-элитарные теории указывают на транснациональные финансовые структуры связанные с ними элиты. Бильдербергский клуб, Трёхсторонняя комиссия, Давосский форум, семейства Ротшильдов и Рокфеллеров. Здесь важно сразу оговориться: существование всех перечисленных структур не является тайной, они работают открыто, их участники известны, их встречи фиксируются. Тайной остаётся лишь то, что именно на этих встречах обсуждается и какие решения принимаются. Это принципиальное различие: теория становится конспирологической не тогда, когда она говорит о существовании элитных клубов, а тогда, когда она приписывает им конкретные тайные действия без достаточных доказательств. Религиозно-мистические теории вводят в уравнение силы иного порядка: тайные общества с оккультной повесткой, сатанинские культы во власти, масонские ложи, управляющие государствами через ритуальную символику. Эти теории наиболее уязвимы точки зрения доказательной базы, однако и здесь не всё так однозначно. История масонства, розенкрейцерства и других тайных обществ реальна и хорошо документирована. Реально и их влияние на политику в определённые исторические периоды. Вопрос лишь в том, насколько это влияние сохранилось до наших дней и в каких формах. Наконец, теории внечеловеческого происхождения. Здесь уже речь идёт о силах, которые в принципе выходят за рамки человеческой истории: инопланетные цивилизации, управляющие развитием человечества, рептилоиды в человеческом обличье во главе мировых правительств, допотопные цивилизации, чьи потомки до сих пор контролируют ход событий. Именно этот сегмент чаще всего становится объектом насмешек, и именно он наиболее далёк от верифицируемости. Хотя, как выяснится в одной из следующих глав, некоторые древние тексты археологические свидетельства задают вопросы, на которые официальная наука предпочитает не отвечать.

По степени верифицируемости.

8/ 186

Третий критерий, пожалуй, самый важный с аналитической точки зрения. Это степень принципиальной проверяемости теории. Верифицируемые теории это те, которые в принципе можно проверить при наличии доступа к информации. Большинство политических конспирологических теорий попадают в эту категорию. Вопрос о том, кто стрелял в Кеннеди, теоретически разрешим, если открыть все засекреченные материалы по делу. Любопытно, что значительная часть этих материалов до сих пор засекречена, что само по себе питает конспирологические настроения.

Частично верифицируемые теории допускают проверку отдельных элементов, но не теории в целом. Существование Бильдербергского клуба проверяемо, состав его участников известен, но содержание закрытых заседаний остаётся тайной. Можно проверить, что встречи происходят, но нельзя проверить, что именно на них решается. Наконец, неверифицируемые теории это те, которые по своей природе не допускают проверки никакими доступными методами. Классический пример: рептилоиды в человеческом обличье. Как это проверить? Никак, что, собственно, и делает подобные теории удобным объектом для критики: они неопровержимы, но и недоказуемы.

Здесь важно сделать одну оговорку, которую часто упускают из вида. Неверифицируемость теории не означает автоматически её ложность. Она означает лишь то, что у нас нет инструментов для её проверки в настоящий момент. История науки знает немало примеров, когда идеи, казавшиеся абсолютно ненаучными и неверифицируемыми, впоследствии полу-

чали строгое доказательство. Теория дрейфа континентов Альфреда Вегенера была встречена научным сообществом в штыки и объявлена фантазией дилетанта. Сегодня это азбука геологии. Это не значит, что все неverified теории верны. Это значит, что неverified-ность не является достаточным основанием для отказа от серьёзного рассмотрения идеи.

Именно этим принципом мы будем руководствоваться в этой книге. Не доверим ко всему подряд и не скептицизмом по умолчанию, а готовностью рассматривать любую идею настолько серьёзно, насколько позволяет имеющаяся доказательная база. И немного дальше, туда, куда официальная наука предпочитает не заходить.

Психология верующего: почему люди становятся конспирологами?

Есть соблазн объяснить конспирологическое мышление просто. Люди верят в заговоры, потому что они недостаточно образованы, потому что они психически нестабильны, потому что им не хватает критического мышления. Это удобное объяснение, поскольку оно переводит разговор из области содержания в область личных качеств носителя идеи. Зачем разбирать аргументы, если можно

9/ 186

разобрать личность того, кто их высказывает?

Проблема в том, что это объяснение не выдерживает столкновения с реальностью. Исследования последних двух десятилетий рисуют совершенно иную картину.

В 2014 году британские психологи Майкл Вуд и Карен Дуглас опубликовали результаты масштабного исследования, в котором изучали демографический и психологический профиль людей, склонных к конспирологическому мышлению. Вывод оказался неудобным для сторонников теории "конспирология равно невежество": уровень образования сам по себе не является надёжным предиктором склонности к конспирологическим теориям. Люди с высшим образованием верят в заговоры ничуть не реже, чем люди без него. Просто содержание теорий, в которые они верят, как правило, более изощрённое и лучше аргументированное. Так что же на самом деле толкает людей к конспирологическому мышлению?

Потребность в связном объяснении мира.

Человеческий мозг устроен таким образом, что хаос для него физиологически некомфортен. Мы паттерн-распознающие машины: мы видим лица в облаках, слышим слова в белом шуме, находим закономерности там, где их нет. Это не дефект, это эволюционное преимущество. Предок, который видел тигра в каждой тени, выживал чаще, чем тот, кто не замечал опасности.

Но та же самая склонность к поиску паттернов в условиях информационной неопределённости порождает конспирологическое мышление. Когда происходит нечто значительное и пугающее, когда официальное объяснение кажется неполным или

неправдоподобным, мозг начинает искать паттерн. И если паттерн не предлагается извне, мозг конструирует его сам.

Конспирологическая теория в этом смысле выполняет важную психологическую функцию: она даёт связное объяснение тревожной реальности. Пандемия это не случайная вспышка зоонозного заболевания, а спланированная операция. Экономический кризис это не результат сложного взаимодействия рыночных сил, а управляемый обвал в интересах определённых игроков. Политическое убийство это не акт одиночки, а устранение неудобного. В каждом случае конспирологическая версия парадоксальным образом успокаивает: если за событием стоит умысел, значит, мир управляем. Страшный, несправедливый, но управляемый. А управляемый мир менее пугающ, чем мир хаотичный, где президентов убивают случайные люди, а вирусы меняют ход истории без чьей-либо воли.

Недоверие к институтам.

10/ 186

Второй мощный двигатель конспирологического мышления это эрозия доверия к общественным институтам. И здесь важно быть честными: это доверие подрывается не параноиками, а самими институтами.

Американцы перестали доверять правительству не потому, что начитались конспирологических сайтов. Они перестали доверять правительству после Вьетнама, Уотергейта, Ирака и оружия массового уничтожения, которого не существовало. После того как выяснилось, что АНБ годами в тайне собирало данные о переписке миллионов граждан. После того как стало известно о программах тайного медицинского экспериментирования на собственных гражданах, которые проводило правительство США в середине двадцатого века.

Европейцы перестали доверять Евросоюзу после того, как увидели, как греческий народ проголосовал против условий кредиторов на референдуме, и как этот результат был попросту проигнорирован. Граждане по всему миру перестали доверять фармацевтической индустрии после серии скандалов с сокрытием данных о побочных эффектах препаратов, после того как выяснилось, что производители опиоидных обезболивающих в США десятилетиями знали об аддиктивности своей продукции и намеренно скрывали эту информацию, что привело к гибели сотен тысяч людей. В этом контексте конспирологическое мышление это не патология, а рациональная адаптация к среде, в которой институты неоднократно доказали свою готовность лгать. Человек, который не доверяет правительству после Уотергейта, демонстрирует не паранойю, а здравый смысл. Проблема начинается тогда, когда это рациональное недоверие распространяется на все институты одновременно и абсолютизируется до такой степени, что любое официальное утверждение автоматически считается ложью.

Социальная идентичность и групповая динамика.

Третий фактор часто недооценивается, но он исключительно важен. Конспирологические сообщества это прежде всего сообщества. Люди, разделяющие определённые теории, образуют группы с сильным чувством внутренней солидарности и чёткой границей между "своими" и "чужими". "Мы видим правду, которую они скрывают". Это мощная идентичность, и она удерживает людей внутри сообщества не хуже, чем убедительность самих теорий. Интернет и социальные сети радикально усилили этот эффект. Алгоритмы платформ устроены таким образом, что максимизируют вовлечённость пользователя, а максимальную вовлечённость обеспечивает контент, вызывающий сильные эмоции: возмущение, страх, праведный гнев. Конспирологический контент по своей природе генерирует именно эти эмоции, что делает его алгоритмически привлекательным. Результат: человек, однажды

11/ 186

заинтересовавшийся одной теорией, оказывается в информационном пузыре, где его со всех сторон окружает контент, эту теорию подтверждающий и развивающий.

Исследователи называют это "кроличьей норой": пользователь начинает с просмотра видео об одной теме, алгоритм предлагает следующее, чуть более радикальное, потом ещё более радикальное, и через несколько месяцев человек оказывается глубоко погружён в мировоззрение, которое несколько месяцев назад показалось бы ему абсурдным.

Эффект Даннинга-Крюгера наоборот

Есть ещё один психологический механизм, о котором говорят редко, потому что он неудобен для обеих сторон дискуссии. Назовём его условно "обратным эффектом Даннинга-Крюгера".

Классический эффект Даннинга-Крюгера это когда люди с низким уровнем компетенции переоценивают свои знания, потому что у них недостаточно знаний, чтобы оценить собственное невежество. Применительно к конспирологии это часто звучит так: конспирологи не понимают, насколько мало они знают, поэтому легко принимают упрощённые объяснения.

Но есть и обратный вариант. Люди с высоким уровнем специальных знаний в конкретной области иногда приходят к конспирологическим выводам именно потому, что знают слиш-

ком много. Вирусолог, который понимает эпидемиологию лучше среднего журналиста, задаёт вопросы, которые среднему журналисту не приходят в голову. Финансовый аналитик, который понимает механику рынков, видит в некоторых событиях паттерны, невидимые для непрофессионала. Историк, который знает реальную историю тайных операций спецслужб, относится к официальным версиям событий иначе, чем человек, не обременённый этим знанием.

Это не значит, что эксперт всегда прав. Это значит, что связь между уровнем знаний и склонностью к конспирологическому мышлению значительно сложнее, чем принято думать.

Кто такой типичный конспиролог?

Если попытаться нарисовать собирательный портрет человека, склонного к конспирологическому мышлению, получится примерно следующее. Это не необразованный маргинал в подвале с коллекцией газетных вырезок. Социологические исследования рисуют иной портрет: как правило, это человек среднего или выше среднего уровня образования, испытывающий ощущение утраты контроля над собственной жизнью и над ходом событий в целом, разочарованный в традиционных политических институтах и СМИ, ищущий сообщество единомышленников и связное объяснение тревожной реальности.

Этот портрет мог бы описывать значительную часть населения любой развитой страны в начале двадцать первого века. И это, пожалуй,

12/ 186

самое важное, что нужно понять о конспирологии как явлении: она не является маргинальным феноменом. По данным различных социологических опросов, проводившихся в США и Европе в 2010-х и 2020-х годах, от тридцати до пятидесяти процентов населения разделяют те или иные конспирологические теории в зависимости от страны формулировки вопроса. Это не меньшинство чудаков. Это значительная часть общества, и игнорировать её взгляды или объяснять их исключительно психическими отклонениями значит отказываться от понимания реальности.

Конспирология и власть: кому выгодно контролировать нарратив?

До сих пор мы говорили о конспирологии преимущественно снизу: о людях, которые в неё верят, об их психологии, об их мотивах. Но у любого явления есть и другая сторона. Если существуют те, кто верит в заговоры, логично предположить существование тех, кто заинтересован в управлении этим процессом. И здесь разговор становится по-настоящему интересным.

Нарратив как инструмент власти.

Контроль над информацией это контроль над реальностью. Эту истину понимали задолго до появления современных СМИ, социальных сетей и министерств информации. Любая власть, от древних жрецов до современных правительств, строила свою легитимность в том числе на монополии на интерпретацию событий. Жрецы Амона знали волю богов, и именно это знание делало их незаменимыми. Средневековая церковь определяла, что есть истина, а что ересь, и это определение имело вполне практические последствия для несогласных. Современные государства содержат пресс-службы, финансируют лояльные медиа и формируют повестку через десятки формальных и неформальных механизмов. Это не конспирология. Это политология, это медиаисследования, это просто описание того, как устроена власть. Проблема не в том, что власть стремится контролировать нарратив: это её естественное и неизбежное свойство. Проблема в том, когда этот контроль становится абсолютным и когда инструментом его поддержания становится дискредитация любого альтернативного взгляда. И вот здесь термин "конспирология" приобретает совершенно новое измерение.

Как ярлык становится оружием

Вернёмся к тому, с чего начали эту главу. Активное внедрение термина "теория заговора" в пренебрежительном смысле совпало по времени с кризисом доверия к американским институтам в 1960-х годах. Это совпадение давно привлекало внимание исследователей, однако дол-

гое время оставалось лишь косвенным наблюдением. В 2014 году исследователи из Университета Майами Лэнс

13/ 186

ДеХейвен-Смит и ряд других академических авторов опубликовали работы, в которых анализировали рассекреченные документы ЦРУ. Среди них оказался документ 1967 года, в котором Центральное разведывательное управление давало своим зарубежным резидентам конкретные инструкции по противодействию волне скептицизма вокруг доклада Комиссии Уоррена об убийстве Кеннеди. В документе прямо рекомендовалось использовать термин "conspiracy theorists" применительно к критикам официальной версии, привлекать к этой работе журналистов и академических авторов, представлять скептиков как людей психологически неустойчивых и склонных к иррациональному мышлению.

Иными словами, то, что сегодня кажется естественной культурной реакцией на конспирологическое мышление, имеет вполне конкретную институциональную историю. Пренебрежительное использование термина "конспиролог" это не стихийно сложившаяся культурная норма. Это как минимум отчасти сконструированный инструмент управления общественным дискурсом, у которого есть конкретные авторы и конкретная история создания.

Это не значит, что все, кто использует этот термин пренебрежительно, являются сознательными агентами влияния. Большинство из них просто воспроизводят усвоенную культурную норму, не задумываясь о её происхождении. Но незнание истории инструмента не отменяет самого инструмента.

Управляемая конспирология

Есть ещё один аспект отношений между властью и конспирологией, который заслуживает отдельного разговора. Речь идёт о том, что можно назвать управляемой конспирологией.

Суть явления проста: иногда власти не просто отвергают конспирологические теории, но и активно их поддерживают, культивируют или даже создают с нуля. Зачем? Причин несколько. Во-первых, конспирологическая теория, направленная против реального или потенциального противника, является удобным инструментом информационной войны. Если удастся убедить население в том, что внешний враг плетёт заговор против страны, это мощный мобилизационный ресурс. История двадцатого века полна примерами намеренного конструирования образа врага-заговорщика: нацистская пропаганда о "мировом еврейском заговоре", советская пропаганда о "капиталистическом окружении", маккартистская истерия о "коммунистическом проникновении" в американские институты.

Во-вторых, конспирологический шум вокруг одних тем очень удобно скрывает реальные заговоры в других областях. Когда информационное пространство насыщено дискуссиями о рептилоидах и плоской Земле, серьёзные вопросы реальных механизмах власти тонут в этом шуме. Исследователи называют это "конспирологическим зашумлением": вброс максимально абсурдных теорий дискредитирует весь жанр и создаёт защитный экран вокруг

14/ 186

тем, которые действительно неудобны.

В-третьих, существуют свидетельства того, что спецслужбы различных государств намеренно внедряли агентов в конспирологические сообщества с целью их радикализации и дискредитации. Логика проста: сообщество скептиков, задающих неудобные вопросы, опасно. Сообщество людей, верящих в рептилоидов и плоскую Землю, безопасно и даже полезно, поскольку автоматически дискредитирует любой скептицизм по соседству.

Четвёртая власть, которая не совсем власть.

Отдельного разговора заслуживает роль средств массовой информации в этой системе. Традиционно СМИ позиционируются как "четвёртая власть", то есть независимый институт, осуществляющий контроль над остальными тремя ветвями власти через информирование общества. На практике отношения между медиа и властью значительно сложнее.

Крупные медиакорпорации являются частью той же экономической системы, что и корпорации финансовые и политические. Их акционеры, рекламодатели и менеджмент имеют конкретные экономические и политические интересы. Редакционная политика формируется не в вакууме, а в контексте этих интересов. Это не значит, что журналисты получают прямые инструкции, что писать, а что нет. Это значит, что существует множество тонких механизмов, через которые определённые темы остаются за рамками мейнстримного дискурса: самоцензура, редакционные приоритеты, зависимость от источников, рекламное давление, корпоративная культура.

Ноам Хомский и Эдвард Херман в своей книге "Производство согласия", вышедшей в 1988 году, описали эти механизмы академической точностью. Их модель "пропаганды" не предполагает существования тайного координационного центра, который раздаёт редакциям инструкции. Она описывает систему структурных фильтров, через которые информация проходит прежде, чем попасть к читателю, и которые обеспечивают воспроизводство определённого взгляда на реальность без какого-либо явного заговора. Система работает автоматически, потому что все её участники действуют в рамках усвоенных профессиональных и корпоративных норм.

Это принципиально важное наблюдение: между "тайным заговором" и "системой, производящей выгодный для элит нарратив" есть огромная разница. Первое требует сознательной координации и конспирации. Второе работает через структурные стимулы культурные нормы, не нуждаясь ни в каком тайном сговоре. Результат может быть очень похожим, но механизм совершенно иной.

Что это означает для нас?

15/ 186

Подводя итог этому разделу, можно сформулировать несколько выводов, которые будут важны для всего дальнейшего разговора. Первое: власть всегда стремится контролировать нарратив, и это не конспирология, а фундаментальное свойство власти как таковой. Вопрос не в том, происходит ли это, а в том, какими методами и с какими последствиями.

Второе: термин "конспирология" является не нейтральным аналитическим понятием, а политически нагруженным инструментом, история которого заслуживает изучения не менее, чем история самих конспирологических теорий.

Третье: между реальными заговорами, системными интересами элит и подлинно иллюзорными теориями существуют важные различия, которые необходимо удерживать в уме при анализе любой конкретной теории.

Четвёртое и, пожалуй, самое важное: скептицизм должен быть направлен в обе стороны. Не только в сторону конспирологических теорий, но и в сторону официальных нарративов, институтов, которые их производят, и механизмов, через которые эти нарративы воспроизводятся и защищаются.

С этими инструментами в руках можно двигаться дальше: в историю, в археологию, в теологию и в политику. Туда, где вопросов значительно больше, чем ответов, и где официальные объяснения трещат по швам особенно отчётливо.

глава 2

ГЛАВА 2.

КОНСПИРОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Эпоха подозрения

Если бы потребовалось выбрать одно слово, описывающее интеллектуальный климат начала двадцать первого века, хорошим кандидатом было бы слово "недоверие". Недоверие к правительствам, к корпорациям, к науке, к журналистике, к экспертам любого рода. Это недоверие не возникло из ниоткуда, и было бы большой ошибкой объяснять его исключительно

распространением интернета или активностью анонимных троллей. У него есть вполне конкретная история, вполне конкретные причины вполне конкретные бенефициары.

Двадцатый век дал человечеству беспрецедентный опыт институционального предательства. Правительства лгали своим гражданам о войнах, которые вели их именем. Корпорации скрывали

16/ 186

информацию об ущербе, который их продукция наносила здоровью миллионов людей. Церковь десятилетиями покрывала систематическое насилие над детьми. Финансовые институты обрушили мировую экономику в 2008 году, после чего их руководители получили государственную помощь за счёт налогоплательщиков и продолжили выплачивать себе рекордные бонусы. Ни один из них не сел в тюрьму.

На этом фоне вопрос звучит иначе. Не "почему люди перестали доверять институтам? ", а "почему некоторые люди всё ещё им доверяют? ".

Конспирология в её современном виде это во многом продукт этого накопленного опыта. Она выросла не на пустом месте, а на почве реальных предательств, реальной лжи и реальной безнаказанности. Это не оправдание для любой конкретной теории: большинство из них по-прежнему не выдерживают фактической проверки. Но это необходимый контекст для понимания того, почему эти теории находят такой живой отклик у такого большого числа людей. Интернет сделал с конспирологией примерно то же, что Гутенберг сделал с религиозной реформацией. До появления печатного станка еретические идеи распространялись медленно, с трудом и с огромным риском для их носителей. Печатный станок дал возможность тиражировать альтернативные взгляды быстро, дешево и в обход институциональных фильтров. Результатом стала Реформация, расколовшая европейское христианство и изменившая ход истории.

Интернет сделал то же самое с информацией в целом. До его появления контроль над нарративом принадлежал ограниченному числу институтов: крупным газетам, телевизионным сетям, издательствам, академическим журналам. Они определяли, что является новостью, что является знанием и что является допустимым взглядом на реальность. Интернет разрушил эту монополию. Любой человек с подключением к сети получил возможность публиковать, распространять и обсуждать информацию в обход традиционных привратников.

Это имело огромные позитивные последствия: голоса, которые прежде были заглушены, получили трибуну, информация, которая прежде была засекречена или просто недоступна, стала общедоступной, независимые расследования получили новые инструменты новую аудиторию. Но те же самые механизмы работают и в другую сторону. Дезинформация распространяется по тем же каналам, что и информация. Алгоритмы социальных сетей, оптимизированные под вовлечённость, отдают предпочтение контенту эмоциональному, а не точному. И конспирологический контент, как уже говорилось, по своей природе исключительно эмоционально заряжен.

Результатом стал своеобразный парадокс: человечество никогда не имело доступа к такому количеству информации, и никогда прежде

17/ 186

ориентироваться в этой информации не было так сложно. Избыток информации при дефиците инструментов её верификации создаёт идеальную среду для распространения конспирологических теорий. Не потому что люди глупее, чем прежде. А потому что задача стала объективно сложнее.

Но было бы упрощением сводить современную конспирологию только к психологии и алгоритмам. У неё есть конкретное содержание, конкретные темы конкретные действующие лица. И некоторые из них заслуживают самого пристального внимания, причём не в качестве курьёза, а в качестве симптома реальных процессов, происходящих в глобальной политике и экономике. Начнём с самого громкого конспирологического явления последнего десятилетия.

QAnon: анатомия цифрового апокалипсиса.

В октябре 2017 года на анонимном имиджборде 4chan появились первые публикации некоего "Q", представившегося инсайдером с высоким уровнем допуска к государственным секретам США. Содержание публикаций было одновременно захватывающим и чудовищным: американским государством тайно управляет группа сатанистов-педофилов, в которую входят ведущие политики Демократической партии, крупнейшие медиамагнаты голливудские знаменитости. Дональд Трамп является главным борцом с этой группой, и великое разоблачение, известное как "Буря", неминуемо приближается.

Сточки зрения структуры это классическая конспирологическая теория типа "глобальный заговор с конкретным злодеем". Сточки зрения распространения это было нечто принципиально новое. "Q"

публиковал не готовые утверждения, а зашифрованные "капли" информации, так называемые Q-drops, требовавшие интерпретации. Это превратило сотни тысяч последователей в активных участников процесса: они расшифровывали послания, строили версии, соревновались в интерпретациях. Теория стала не пассивно потребляемым контентом, а интерактивной игрой с элементами детектива и апокалиптического нарратива.

Психологически это оказалось исключительно эффективным. Человек, вложивший собственные интеллектуальные усилия в расшифровку "капли", эмоционально привязан к полученному выводу несравнимо сильнее, чем тот, кто просто прочитал готовую статью. Чувство причастности к раскрытию тайны, недоступной непосвящённым, создаёт мощную идентичность и столь же мощное сопротивление любым попыткам разубеждения.

К 2020 году QAnon вышел за пределы американских имиджбордов и превратился в глобальное явление. В Германии его адаптировали под местный контекст. В Великобритании элементы теории переплелись с антипрививочным движением. В Японии появились собственные

18/ 186

интерпретации. Пандемия COVID-19 дала теории мощный импульс: карантин, обязательные маски, вакцины с неизвестным долгосрочным эффектом, беспрецедентные ограничения свободы передвижения, всё это идеально ложилось в нарратив о тайном контроле над человечеством.

Что важно понять о QAnon применительно к нашему разговору: эта теория является одновременно хорошим примером конспирологии в её наименее верифицируемом варианте и симптомом реального кризиса доверия к американским институтам. Конкретные утверждения о сатанистах в Вашингтоне не подкреплены ничем, кроме анонимных публикаций на имиджборде. Но реальное возмущение людей реальным состоянием американской политической системы, питающее эти теории, заслуживает серьёзного разговора, а не снисходительного смеха.

Более того: на фоне QAnon с его очевидной фантастичностью как-то потерялся реальный скандал вокруг Джеффри Эпштейна, финансиста и осуждённого педофила, который действительно имел обширные связи в американской и международной элите, действительно организовывал встречи на своём частном острове для влиятельных людей со всего мира и действительно умер в федеральной тюрьме при обстоятельствах, которые официально квалифицированы как самоубийство, но которые вызывают вопросы у любого человека, знакомого с деталями дела. Список людей, которые летали на самолёте Эпштейна, был частично рассекречен, и он содержал имена, способные потрясти любое воображение. Это не QAnon. Это задокументированная реальность, от которой крайне неудобно отмахнуться ярлыком "конспирология".

Бильдерберг, ВЭФ и архитектура глобального управления.

Есть категория организаций, само существование которых ставит конспирологов и их критиков в одинаково неловкое положение. Критики вынуждены признавать, что организации реальны, что их участники реальны и что их влияние на мировую политику реально. Конспиро-

логи вынуждены признавать, что большинство конкретных обвинений в адрес этих организаций не подкреплены доказательствами. Истина, как водится, располагается где-то в пространстве между этими двумя позициями, и именно туда стоит отправиться.

Бильдербергский клуб: самый известный закрытый клуб мира.

В мае 1954 года в нидерландском отеле "Бильдерберг" собрались около восьмидесяти влиятельных людей из Западной Европы Северной Америки. Политики, банкиры, промышленники, интеллектуалы. Цель, декларированная организаторами, состояла в укреплении атлантического единства в условиях холодной войны.

19/ 186

Встреча прошла за закрытыми дверями, без прессы, без протоколов для публикации, без официальных заявлений по итогам. С тех пор Бильдербергская группа собирается ежегодно. Состав участников меняется, но принцип остаётся неизменным: около ста пятидесяти человек, представляющих политическую, финансовую, медийную и интеллектуальную элиту западного мира, встречаются в строго охраняемом отеле, обсуждают глобальную повестку и расходятся, не публикуя ни протоколов, ни итоговых документов. Среди участников разных лет: Генри Киссинджер, Билл Клинтон, Тони Блэр, Ангела Меркель, Джефф Безос, Эрик Шмидт, главы центральных банков, министры финансов ведущих экономик, редакторы крупнейших мировых изданий. Не случайные люди, иными словами. Официальная позиция организации и её защитников сводится к следующему: Бильдерберг это неформальный дискуссионный клуб, где влиятельные люди могут откровенно обмениваться мнениями без давления публичности. Никаких решений там не принимается, никакой скрытой повестки нет, закрытость необходима для того, чтобы обеспечить откровенность дискуссии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.